

Много лет спустя, когда Лорен в борделе Сильнейшего Дождя перережет горло своему младшему сыну, он вспомнит то утро, когда отец несlikом мчался вниз по склону холма.

И тогда он поймет, насколько глубокой и всепоглощающей была отцовская любовь.

В те же дни семья Отависа всё ещё оставалась рабами.

Честно говоря, план никогда не был идеальным — как, впрочем, и сегодня.

Поля разбудил шум.

Такие звуки он слышал бесчисленное количество раз: зычные крики надсмотрщиков, свист хлыстов, безмолвная поступь рабов, грохот ссыпаемой на площадке руды — нет, всё было не так.

Это были крики и плач. Шахтерский посёлок на Горе Хэйлун никогда не любил плач, потому что плачущие не переживали первую зиму.

Солнце только-только окрасило рудник в болезненный золотисто-багровый цвет, а по краю небосвода протянулись тонкие полосы облаков, освещенные так, будто разорванная плоть.

Его взгляд скользнул мимо знакомых лачуг, куч отходов, устьев шахтных стволов, виселиц — и остановился... остановился у порога его собственного дома.

Там толпились люди.

Человека три-четыре из надсмотрщиков и стражников рудника стояли в лучах утреннего света, словно стая гиен, ожидающая дележа добычи.

В самомпереди стоял Карлсон. Этот никчемный ублюдок в этот момент тянул слова с присущей ему ленивой вальяжностью:

— Тридцатидневный срок истек, Поль мертв. Эта женщина теперь ничейная, и по правилам, установленным сэром Варелой, она принадлежит мне.

Тридцать дней... Несмотря на то, что голос Карлсона звучал праздне и небрежно, в голове у Поля будто что-то взорвалось.

Он считал. Поль считал каждый день.

Он царапал ногтем черту на камне: одна черта — один день. Считал с первого дня по

тринадцатый, с тринадцатого — по сегодняшний, двадцать второй.

Оставалось еще восемь дней.

Черт побери, еще восемь дней.

В этот момент вперед выступил старый шахтер.

Поль знал его — старик Томас, которому перевалило уже за шестой десяток. Спина его согнулась коромыслом, но нравом он отличался вполне сносным, вот только один глаз у него был слепым.

Поль помнил, что раньше старый Томас был каменщиком и строил замки для лордов на севере, а потом за какие-то провинности его продали сюда.

Промелькнуло тридцать лет. Старик Томас повидал больше, чем все остальные здешние обитатели вместе взятые, но всё же умудрился выжить.

Кто-то как-то спросил у него секрет долголетия, и старик Томас лишь усмехнулся, обнажив оставшиеся желтые зубы:

— Никогда ни во что не ввязывайся почем зря.

Но сейчас он ввязался.

— Осталось еще восемь дней, — голос старого Томаса звучал хрипло, как скрежещущие друг о друга камни.

Его единственный глаз уставился прямо на Карлсона, словно вбитый в каменную стену гвоздь.

— По старым правилам, мужик считается мертвым, если его нет целой луны. Отсчет ведется с момента исчезновения, и должно пройти тридцать дней, а прошло только двадцать два.

Карлсон повернул к нему голову.

— Я сказал, что срок вышел, значит, вышел.

Он взмахнул хлыстом.

Кнут не стал метить старику Томасу в лицо — бить по лицу было бы слишком мягко для него.

Он ударил по голени, на которой стоял старик Томас. Кончик хлыста мгновенно распорол кожу, брызнув россыпью алых капель на землю и серую пыль.

Старик Томас рухнул на колени, но не издал ни звука. Тридцать лет каторжной жизни научили его одному: крики привлекают лишь новые удары.

Карлсон перешагнул через него, но у самого входа дорогу преградила Лэанна.

С такого расстояния Поль не мог разглядеть ее лица, но видел позу жены — словно у воина. А за ее спиной Лорен сжимал в руках камень.

Камень был даже больше, чем его собственный кулак.

Лорен держал его обеими маленькими ручками перед грудью, словно огромный меч. На его детском личике всё еще синел синяк от удара трехдневной давности, а корочки в углах рта до конца не отвалились.

Карлсон остановился.

Он посмотрел на Лэанну, потом на Лорена, затем снова на Лэанну.

— Дорогу.

Лэанна не сдвинулась с места, и Карлсон взмахнул хлыстом.

Этот удар он сдерживать не стал.

Кровь брызнула с ее руки прямо на косяк двери, а капли попали и на личико Лорена.

Лэанна зашаталась, словно подрубленное топором дерево, но на землю не упала.

— Убирайся с дороги.

Лорен бросился вперед.

Девятилетний мальчишка бросился на взрослого мужчину, который был вдвое выше и втрое тяжелее его.

Но камень в его руке так и не полетел в цель — сапог Карлсона с размаху врезался ему в живот.

От этого удара ребенка отбросило назад.

Поль воочию видел, как летит его сын, как это крошечное тельце чертит дугу в воздухе, как оно ударяется о землю, пару раз перекатывается и сжимается в комок.

Лэанна с криком бросилась закрыть его собой.

Но хлыст Карлсона продолжал опускаться.

Раз.

Два.

Три.

Удары приходились ей по спине, по плечам, по рукам, которыми она прикрывала сына.

Кровь просачивалась сквозь раны, окрашивая лохмотья Лэанны в темный цвет.

Но она, мать, не отступила. Лэанна просто прижимала к себе Лорена, всем своим существом принимая на себя каждый удар.

Ее спина напоминала кусок железа, по которому били молотом снова и снова, но эти раны... крови было слишком много.

Так не должно быть.

Никто из наблюдавших за этим рабов не шелохнулся, никто не смел и двинуться.

Они стояли у дверей своих лачуг, и на их лицах не было ни единого выражения.

Это было не равнодушие — нечто куда более страшное, чем равнодушие: привычка, оцепенение.

В их глазах погас свет, осталась лишь серость, цветом похожая на камни в шахте. Они стояли рядами, словно только что проросшие из земли надгробные плиты.

Поль прятался на склоне холма и наблюдал за всем этим.

Он видел, как сын свернулся калачиком на земле, как жена закрыла его телом, как хлыст Карлсона опускался снова и снова, словно он лупил скотину.

Поль увидел... он увидел, как Лорен поднял голову.

Сын был весь в крови, но глаза его оставались открытыми.

Этот взгляд пронесся мимо Карлсона, мимо зевак-надсмотрщиков, мимо оцепенелых рабов, мимо серых лачуг, мимо груд отходов, мимо мусорных холмов, мимо всего этого никчемного и грязного клочка земли — и упал на него.

Упал на Поля.

В тот миг Полю почти показалось, что глаза Лорена сияют.

Затем Лорен разлепил губы:

— Папа.

Но на таком расстоянии, через столько лачуг, сквозь толпу молчащих людей Поль вряд ли мог это слышать.

Однако он услышал.

Это слово, словно стрела, пронзило утренний туман, пробилось сквозь тяжелый, гнилой воздух пустошей и ударило в бьющееся в его груди сердце.

И тут же Поль закрыл глаза.

На мгновение перед ним пронеслось бесчисленное множество картинок.

Он вспомнил, как семнадцать лет назад Лэанна впервые улыбнулась ему — это был первый год, когда их только привезли и продали сюда.

Он вспомнил сморщенное личико только что родившегося Лорена, похожего на содранного кролика.

Он вспомнил, как Лорен впервые назвал его папой. Тогда малышу едва перевалило за год, он еще толком не умел говорить, но слово папа прозвучало звонко и отчетливо.

Он вспомнил, как трехлетний Лорен бегал с ним по кучам мусора в поисках объедков и притащил найденный ржавый кусок железа.

Мальчишка бежал, высоко поднимая его над головой: Папа, железяка!

Он вспомнил, как в пять лет Лорен впервые стерпел удар клыста, до крови закусив губу, а ночью прятался в его объятиях и тайком плакал: Папа, мне больно.

Он вспомнил, как в девять лет Лорен сидел на пороге и ждал его возвращения.

Наконец, Поль увидел то золото.

Слиток размером с кулак, что сейчас лежал спрятанный у него на груди.

Затем Поль открыл глаза и бросился вниз со склона.

Когда Карлсон поднял голову и заметил его, выражение его лица стоило того, чтобы на него посмотреть: удивление, недоумение и капля первобытного, суеверного ужаса.

Поль прекрасно знал, на кого он сейчас похож — двадцать два дня он не ел нормальной еды. Он перебивался червями, дикими травами и краденым мусором, высох до состояния кожи да костей, с лицом и телом, покрытыми корками грязи и шрамами, вылитый мертвец, вылезший из могилы.

Но Поль знал, что бежит быстро — быстрее, чем когда-либо в своей жизни.

У Поля не было оружия, только кулаки.

Его пудовые кулаки обрушились на лицо Карлсона.

Один удар, второй, третий.

Первый удар свернул нос, и кровь брызнула из обеих ноздрей.

Второй рассек угол рта, обнажив зубы сквозь порванные губы.

Третий... третий удар он закончить не успел.

Опомнившиеся стражники рудника бросились сзади и вмиг прижали его к земле.

Лицо Поля вдавили в грунт, рот забило угольной крошкой и грязью.

Он пытался вырваться, но руки у них были слишком сильными, они пригвоздили его к земле, точно железные клещи. Он даже расслышал, как под этим натиском захрустели его собственные кости.

Карлсон вытер кровь с лица и опустился перед ним на корточки. Кровь капала с уголков его рта прямо на землю перед носом Поля.

— Ты не сдох? Отлично.

Он наклонился ближе к лицу Поля.

— Побег, утаивание ценностей, нападение на начальство...

Карлсон чеканил слова, словно зачитывал приговор. — Знаешь, сколько раз тебя можно казнить за все эти три пункта вместе взятые?

Поля молчал. Он и не мог говорить.

Его лицо было прижато к земле, во рту стояла земля, но глаза двигались.

Поля изо всех сил скосил их, направляя взгляд в сторону дверного проема лачуги.

Лэанна по-прежнему стояла на коленях, прижимая к себе Лорена, а лицо мальчика было залито кровью.

Он смотрел широко открытыми глазами прямо на них, видя, как его отца втоптали в грязь.

Карлсон проследил за его взглядом, а затем повернулся обратно.

— Как там твой сынок тебя назвал? Папа?

Карлсон подошел к Лорену и присел на корточки.

Хотя Лэанна изо всех сил прижимала к себе сына, сил у нее уже не осталось. На ее спине продолжала сочиться кровь, а следы от ударов напоминали разинутые детские рты.

Карлсон подцепил кончиком хлыста подбородок Лорена.

Девятилетний мальчик был весь в крови, из носа продолжало течь, но глаза оставались открытыми.

Этот взгляд не содержал страха — в нем читалось лишь то, чего Карлсон еще никогда не видел в глазах рабов.

— Ты только что звал папу? Эта тварь, что приползла обратно — твой отец?

<http://bllate.org/book/19072/1873302>